

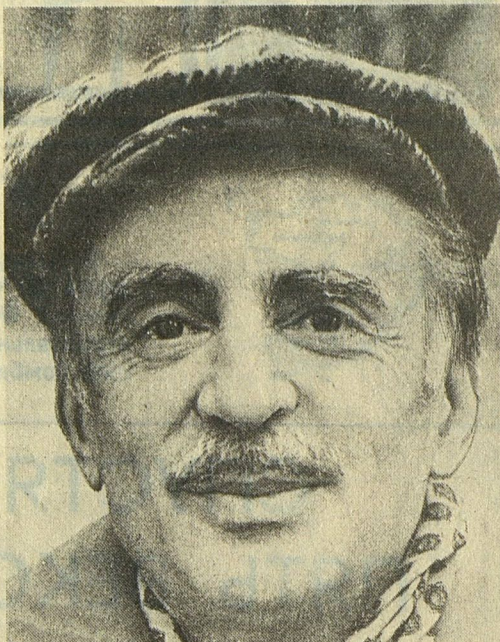
встреча с интересным человеком

Лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, драматург

Эмиль Вениаминович
БРАГИНСКИЙ

По сценариям Э. В. Брагинского снято 18 фильмов. Жанр их разнообразен. Это детектив — «Когда дождь и ветер стучат в окно», биографическая лента — «Василий Суриков», экранизации — «Мексиканец», «Сын рыбака».

Но особое признание зрителей Эмилю Вениаминовичу принесли его комедии. За 15 лет работы в этом жанре в соавторстве и лично им были написаны сценарии таких известных фильмов, как «Зигзаг удачи», «Берегись автомобиля», «Старики-разбойники», «Ирония судьбы, или С легким паром», «Учитель пения», «Суета сует», «Гараж». Э. В. Брагинский успешно работает и для театра. Его пьесы «Аморальная история», «Родственники», «Игра воображения» не сходят с театральных подмостков.

КОМЕДИЯ ДОЛЖНА ЗАКЛЮЧАТЬ В СЕБЕ МЫСЛЬ

— Как же все начиналось, Эмиль Вениаминович?

— Приблизительно в 1958 году в одной из московских газет была напечатана статья по поводу моей первой пьесы, поставленной в театре. В ней мне было предъявлено три обвинения: не понимаю жанра комедии — смешиваю воедино смешное и грустное; позволяю себе смеяться над положительными людьми. И третье — у меня плохо с чувством юмора. Что ж, все нормально. С положительных рецензий никто не начинал. Тут главное — не лечь на спину с инфарктом и продолжать держаться своей позиции.

— Вы считаете, что комедии доступна любая проблематика и она может быть написана на любую тему?

— Абсолютно. Грустное и смешное ходят рядом. И я убежден, что именно это сочетание необходимо комедии. Некоторое время тому назад жизнь подстроила мне коварное испытание: я семнадцать суток находился в реанимации. Это не лучшее место на земле, и никакого удовольствия от нахождения там я не получил. А вот собираясь на этом материале написать пьесу. Комедию.

Меня поразила атмосфера, которая там царит. Люди разделены перегородкой, друг друга не видят, но все время общаются, разговаривают. Потому что молчать нельзя, молчание означает уход в другую жизнь. И все на «ты», но одни шутят, ругаются, другие сразу начинают думать только о своем здоровье. И такие люди выздоравливают реже. Это умозаключение было результатом моих наблюдений. Но когда я потом поделился ими с Евгением Ивановичем Чазовым, который возглавляет кардиологический центр, оказалось, что не открыл ничего нового. Теория давно известная, практика ее подтверждает.

И мне показалось, что тут кроется тема: сохранение человеческого достоинства, его воспитание. Даже на пороге самого печального события в жизни хорошо ощущать в себе человека.

Сюжет пьесы уже сложился. В ней, естественно, будут воспоминания, нельзя же три часа держать зрителя в реанимации. Будет и юмор, так как если черным про черное писать — зрители могут не дотянуть до конца первого акта.

— Критика порой относит ваши комедии к жанру «городской сказки», так как в основе сюжета достаточно известная, но из-за своей обыденности стертая в сознании ситуация. Как рождаются замыслы ваших произведений?

— Метод примерно такой. В основе пьесы, сценария — анекдот. Анекдот не в вульгарном смысле, а та самая необычная ситуация, которая дает мне возможность высказать свои мысли. Например, в «Игре воображения» у меня есть реплика: женщина полгода мечтает об отпуске, потом полгода рассказывает, как его провела. Мне было достаточно придумать этот анекдот, чтобы характер героини потянул меня за собой. Героиню меня привдеет, когда пишу, никогда не знаю.

— Недавно в Театре имени Моссовета состоялась премьера спектакля «Картина» по этой вашей пьесе. Довольны ли вы постановкой? И вообще, хотелось бы услышать о ваших взаимоотношениях с режиссером.

— Драматург нередко ругает режиссера, а режиссер недостатки спектакля объясняет плохой драматургией, правда, лишь тогда, когда представление не получается. Я никогда не понимал и не пойму режиссеров, которые мои сочинения превращают в комедию, где все условно, где все неправда. Учтите, мол, в жизни ничего подобного быть не может, это мы просто пошутили, чтобы вы весело провели время. Не принимаю такую позицию театральных драматургов, которые считают, что их можно ставить только так, а не иначе.

Когда на постановке «Картины» в Театре имени Моссовета я увидел макет декорации, был близок к обмороку. В грустной комедии на сцене будет сидеть оркестр. Я долго говорил, чтобы оркестр убрали. Не убрали. В театре даже шутили, что я, мол, потому против оркестра, что на одиннадцать человек будет

больше на банкете. Возражал также я против каких-то песен. А потом выяснилось, что спектакль получился отличный. Нравится он мне чрезвычайно, хотя я никогда не думал, что пьесу можно так трактовать.

Если режиссер — личность, а если имеет свою точку зрения на мир и она не противоречит авторской, то он просто обязан идти своим путем.

— Для кино вы пишете специальные сценарии или экранизуете ранее написанные пьесы?

— «Служебный роман» — вторая и последняя наша пьеса с Рязановым, по которой снимался фильм. В дальнейшем — только по сценариям.

— Кого из современных актеров вы могли бы выделить?

— Хороших — не счесть числа. Поэтому не рискну перечислять: обязательно кого-то забуду. Назову лишь Ирину Муравьеву, которая в Театре имени Моссовета в «Картине» играет главную роль. Это выдающаяся актриса. Фильм с ее участием «Москва слезам не верит» получил Государственную премию СССР, а Американская академия киноискусства назвала ее актрисой № 1 за 1981 год. Для автора, смотреть на нее — счастье, хотя в спектакле некоторые сцены она играет совсем не так, как я думал. Через свою актерскую индивидуальность Муравьева ведет тему: человек не должен сдаваться, при любых обстоятельствах должен оставаться человеком. Для нее я написал специальный сценарий «Нежданно-негаданно». Но вот не знаю, будет ли она играть в фильме.

— О чем будет этот фильм?

— О любви, об этом ошеломляющем даре, который способен преобразить даже тех людей, кто свылся с неразрешимостью ее проблем. По жанру — то ли комедия, то ли детектив, то ли мелодрама. В общем, опять та самая путаница, за которую нас прежде ругали, а потом стали хвалить. К такому же непонятному жанру относится и другой фильм, который сейчас снимает Эльдар Рязанов по нашему сценарию «Вокзал для двоих» с Гурченко и Басилашвили в главных ролях.

— Говоря о вашей работе сценариста, нельзя обойти вниманием своеобразный дуэт Брагинский — Рязанов. Почти 20 лет вместе...

— Сотрудничество началось с того, что мы написали совместный сценарий, который назывался «Угнали машину». Сценарий как сценарий. Но что-то в нем нас не удовлетворило. Как-то прямолинейность, что ли. Короче, картина по этому сценарию свет так и не увидела.

Тогда мы решили написать повесть. Ее опубликовали в журнале. И тут услышали: «Какая хорошая повесть, почему бы вам ее не экранизировать?». Мы написали новый сценарий — «Берегись автомобиля», значительно лучше прежнего, и самое ценное — нашли удивительного исполнителя главной роли. Грустный человек Смоктуновский стал близким для многих, артист добавил фильму новую грань измерения, и нам кажется, что Иннокентий Михайлович допускает колоссальную ошибку, говоря: «В комедии сниматься не буду. Я большой артист». А я считаю, что это одна из лучших его ролей. (Кстати, давно мечтаем написать сценарий о великом сказочнике Г. Х. Андерсене, где Андерсена сыграл бы Смоктуновский). Вот так фильм, с которого началось наше творческое сотрудничество с Э. Рязановым, получил признание, его даже «сдадут» на вступительных экзаменах во ВГИК. Трудности постановки сблизили нас с Рязановым, и с тех пор мы всегда работаем вместе.

— Аналогичная история, я слышал, произошла и с другой вашей картиной — «Ирония судьбы»...

— Когда мы написали эту пьесу, я прочел ее как предложение в Театре имени Вахтангова. Пьесу приняли к постановке, распределили роли, но в театре свет она так и не увидела. По стране же пьеса пошла...

Через несколько лет нас пригласили в Берлин на премьеру

фильма «Рождественская баня». По нашей пьесе. Его поставил прекрасный режиссер, а главную женскую роль сыграла превосходная французская актриса. Мы подумали: а почему, собственно, немцы, а не мы сделали эту картину?

Фильм пошел по экранам Европы, но Рязанову удалось добиться, чтобы его не показали в Союзе. И мы на всякий случай написали сценарий. Судьба нашего фильма известна, что еще раз доказывает: жизнь автора построена на парадоксах.

— Чем объясняется выбор актрисы Барбары Брыльской на исполнительницу главной роли?

— Много актрис, причем очень хороших актрис, пробовали на эту роль. Никого не утвердили: не та внешность, не так играют, короче, не поверят, что можно влюбиться за одну ночь. И тогда в панике, что проходит все сроки, Рязанов вспомнил, что Барбара Брыльская играет главную роль в «Анатомии любви». Позвонили в Варшаву, она сказала: «Я свободна», — и прилетела в Москву.

А Мягков рассказывал такой случай: подходит к нему в электричке человек в пиджаке не первой свежести и говорит: «Это все ты виноват, что нам в бане пить запретили».

— Проблема сотворчества интересует многих читателей. Как вы работаете с Рязановым?

— Я уже как-то говорил полшутя, что главное для нас — «проблема дивана»: кто успел его занять, тот диктует, а другой вынужден сидеть за письменным столом и записывать. Но если серьезно, то у нас существует право «вето»: любая фраза, ситуация, не устраивающая одного из нас, немедленно вычеркивается. Доказывая свою правоту, спорим до умопомрачения, а потом идём спокойно пить чай.

— Творчество какого молодого драматурга вам наиболее близко?

— Виктора Мережко, к биографии которого я имею отношение. Очень талантливый человек. Посмотрите фильм «Родня», он скоро выйдет на экран. Вспомните «Здравствуй и прощай», «Вас ожидает гражданка Никанорова». Сейчас он написал прекрасную пьесу «Ночные забавы».

— Кого бы вы могли назвать своим учителем?

— По крупному — нашу литературу. Очень люблю Бунина, Чехова...

Мне везло в жизни и на конкретных людей, которые мне помогали. Навсегда запомнил, как меня взяли на работу в «Огонек». До этого учился в медицинском, сменил десяток профессий, среди них были даже «экзотические» — пожарник и водопроводчик. Мне дали задание написать очерк. Начавший его читать сотрудник сразу вычеркнул первые полстраницы. Я удивился: «Но ведь вы не читали дальше!». Он блеснул глазами: «Молодой человек, неужели вы думаете, что я буду читать вас дважды?». Это я запомнил на всю жизнь: если неинтересно сначала, неважно, что будет дальше.

Запомнились и слова Михаила Михайловича Яншина, человека, сыгравшего большую роль в моей судьбе: «Художник начинается с совести».

Работая в комедии, я все время стремлюсь доказать, что я не коварный человек и что комедия, хотя это и скучно повторять, — жанр серьезный и к нему нужно относиться серьезно. И пишут комедии не для того, чтобы «хохмить», как сейчас выражается молодежь, а для того, чтобы высказать какие-то идеи, мысли. Нельзя ставить перед собой главной целью — заставить зрителя во что бы то ни стало смеяться, пусть бездумно, но смеяться.

Недавно я прочитал у одного весьма уважаемого автора, имя его Марк Твен: «Комедия чисто развлекательная (я не отрицаю у нее права развлекать) уже свое отжила». Прошло сто лет, а верно и сейчас. В комедии главное — правда.

Беседу вел
А. СОЛОВСКИЙ.